

НАСЛЕДИЕ ПРЕДТЕЧ

Том 2 Ресурс

Роман Воскресенский

Наследие предтеч

Роман Воскресенский

Наследие предтеч Том 2 Ресурс

«Автор»

2026

Воскресенский Р.

Наследие предтеч Том 2 Ресурс / Р. Воскресенский — «Автор», 2026 — (Наследие предтеч)

Алексей Громов нашёл базу Предтеч под Уралом — теперь её нужно удержать. Вокруг Носителя собирается команда: геолог, контрразведчик, снайпер, физик-ядерщик, боевой офицер, офицер радиоразведки. Каждый проходит проверку древнего разума станции и платит свою цену за шаг вперёд. Биржевая торговля Архона приносит деньги, экспедиции на планету с двумя солнцами — ресурсы для реактора и первый контакт с её жителями, а молодой учёный-генетик находит в эдемском цветке то, на что земная медицина не надеялась. Но чем выше мощность базы, тем заметнее её след. За триста сорок световых лет к Земле летит та, кому поручено решить судьбу находки, — куратор Кворума, воспитанная на доктрине «слабые виды — ресурс», но впервые не уверенная, что готова её применить. Приказ на уничтожение не отменён. Просчитаны лишь сроки. Это история о цене знания и о том, кто за неё платит, пока команда и флот среди звёзд готовятся к столкновению, которое уже нельзя предотвратить — только отсрочить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Роман Воскресенский

Наследие предтеч Том 2 Ресурс

Глава 1

Меня зовут Алексей Громов. Полковник в отставке. Несмотря на не самый почтенный возраст, за плечами — годы в горячих точках и долгая служба во внешней разведке, там, где о многом не спрашивают вслух и почти ничего не остаётся в личном деле. Три командировки в регионы, названия которых в открытой прессе появлялись разве что в сводках происшествий. Работа, где цена ошибки измерялась чужими жизнями, включая собственную, а выговор был в этом списке далеко не на первом месте. Ранение поставило точку раньше, чем я рассчитывал: пуля на рикошете и то, что она оставила в позвоночнике, — достаточный повод для медицинской комиссии, чтобы вежливо, но необратимо указать мне на дверь. Полтора года реабилитации, три операции, врач, повторявший на каждом осмотре одну и ту же фразу про «неполное восстановление подвижности», — я выучил её интонацию раньше, чем перестал в неё верить.

Мирная жизнь не задалась сразу. Не потому что не пытался, — просто оказалось, что человека, привыкшего мыслить категориями операций и прикрытий, гражданские будни выталкивают, как инородное тело. Спелеология подвернулась случайно — ещё до ранения знакомый геолог позвал в пещеру для разрядки после очередной командировки. Зацепило крепче, чем должно было: тело помнило нагрузки, а под землёй, в темноте и тишине, наконец находилось то ощущение управляемого риска, без которого прежняя жизнь была немыслима, а нынешняя — пуста.

Месяц назад, сверяя свежие замеры микроклимата по системе входов на Северном Урале, я наткнулся на нестыковку. На глубине двухсот метров температура стабильно держалась на градус выше расчётной нормы — пять лет подряд, без сезонных колебаний, которых требовала бы любая естественная причина. Управляемая стабильность там, где положено быть только случайному шуму. А на архивном скане геологической съёмки девяносто третьего года, у самой отметки аномалии, нашлась полустёртая пометка старого топографа шариковой ручкой: «не наносить на публичную карту» — и рядом обрывок ещё одной строки, «...аномальный объ-

ект...», дальше нечитаемое пятно. Профессиональная привычка не доверять случайным совпадениям сделала за меня выбор раньше, чем я успел его обдумать.

Я пошёл один. Решение, которое задним числом можно назвать неосторожным, — тогда оно казалось единственно верным. Обрыв страховки при спуске в шахту, которой не существовало ни на одной официальной карте, стал последним, что я помню отчётливо: темнота, ускользающее падение, а потом — свет снизу, там, где света быть не могло.

— Добро пожаловать, Носитель, — сказал голос из темноты.

Так началась вторая часть моей жизни, куда более странная, чем первая. База — я узнал это слово раньше, чем узнал многое другое, — приняла меня как носителя генома Предтеч, древней цивилизации, оставившей под уральским камнем законсервированный комплекс, ожидавший своего часа сорок семь тысяч лет. Архон рассказал про Кворум в первые же дни — расу, для которой наследие Предтеч было не наследием, а законным трофеем войны, добытым силой, а не полученным по завещанию. Узнали ли они уже о пробуждении базы или нет, Архон не брался сказать наверняка: протокол «Молчание» снимался по частям, и это был как раз тот вопрос, ответ на который пока оставался закрыт.

С тех пор прошли недели. Марина Соколова, геолог, нашедшая ход на базу собственным упрямством, и Дмитрий Рогов, мой старый друг и такой же бывший офицер, каким был я сам, — теперь часть того, что заменяет мне семью. Интеграция дала нам общий канал — беззвучную связь, которую я не могу описать точнее, чем ощущение чужого присутствия на краю сознания, готового отозваться без единого произнесённого слова.

Именно в этот канал вторгся Архон, обрывая цепочку моих мыслей о карте местности так же резко, как когда-то оборвалась страховка.

— Носитель, — сказал он тем ровным, лишённым интонаций голосом, который я успел выучить наизусть. — Вижу движение группы из четырёх человек в трёх километрах от базы. Направление — прямое, курс не меняется последние семь минут.

Я поднялся с валуна, на котором сидел, разглядывая распечатку старых координат, и почувствовал, как тело — привычка пятнадцатилетней давности — само собой подобралось, готовясь к работе.

— Ещё информация?

— Темп движения — походный, не боевой. Экипировка — гражданская с элементами тактической. Не патруль. Целенаправленный выход.

Достаточно, чтобы не тратить время на предположения. Я потянулся мыслью в канал, коротко, без предисловий: *Марина. Дим. Есть контакт.*

Слышу, — отозвалась Марина почти мгновенно, и в этой короткости я узнал её привычку не тратить слов на панику, даже когда для паники есть повод.

Иду, — коротко подтвердил Рогов, и я уже знал, что застаю его у выхода через минуту, не больше: он всегда одевался быстрее, чем требовала ситуация, будто заранее готовился к тому, что ситуация потребует.

Курс, которым шла группа, вёл прямо на наш район — для случайных туристов слишком точно. Времени на подготовку было немного, но достаточно.

Рогов появился на выходе из portalного зала, застёгивая куртку на ходу, и посмотрел на меня тем взглядом, каким смотрел всегда перед выходом на операцию, — спокойным, без единого лишнего вопроса, потому что вопросы отнимали время, которого не было.

— Сколько их?

— Четверо. Идут вслепую — не знают, что мы уже знаем.

— Хороший расклад, — сказал он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на удовлетворение профессионала, которому наконец дали работать по специальности, а не разбирать чужие отчёты. — Марина остаётся на канале?

— Остаётся, — подтвердила Марина в канале раньше, чем я успел ответить за неё. — Буду вашими глазами снизу.

По пути к выходу мы завернули в оружейный отсек — тот самый сектор базы, куда Архон открыл нам доступ ещё в первую неделю, объяснив, что снаряжение Предтеч выдаётся Носителю и интегрированным членам команды без ограничений. Рогов снял с полки два усмирителя — приземистые, неожиданно лёгкие для оружия такого назначения, с рукоятью, отлитой явно не под человеческую ладонь, но легшей в мою на удивление удобно. Следом — два браслета-щита.

— Родные, — сказал он, проверяя заряд по индикатору на корпусе. — Не земные подделки.

Я кивнул, забирая свой комплект. Браслет защёлкнулся на запястье сам, стоило поднести его ближе, и в оверлее тут же встала тонкая полоса заряда щита — рядом со счётчиком обоймы усмирителя и прицельной меткой, которые система выводила туда же, стоило поднять оружие. Мы уже пользовались этим оружием однажды, в первые дни на базе, когда Архон показывал арсенал, и с тех пор я не видел смысла брать что-то другое: направленный нейронный импульс, два режима на выбор — нелетальный, отключающий на несколько часов, и смертельный, — оружие расы, которая, судя по всему, умела воевать, не превращая войну в бойню. Сорок зарядов в обойме, дальность в полсотни метров — достаточно, чтобы работать с дистанции, на которой нас попросту не успеют разглядеть.

Мы поднялись на поверхность через полчаса, оставив себе запас времени на то, чтобы выбрать позицию раньше противника. Урал встретил обычной для этого времени года сыростью, запахом хвои и прелой листвы, тем особым безразличием тайги, которая одинаково равнодушно примет и охотника, и добычу. Мы залегли на скальном выступе, откуда просматривалась единственная тропа, ведущая к распадку — та самая, по которой должна была пройти группа, судя по расчётам Архона, транслируемым мне прямо в канал связи короткими, без единого лишнего слова, сводками.

— Триста метров, — сказал Рогов одними губами, не отрывая взгляда от бинокля. — Идут развёрнутым строем, не колонной. Профессионалы, но не элита.

— Хорошо. Значит, сыграем на том, что они не элита.

План родился быстро, потому что все хорошие планы в таких обстоятельствах рождаются быстро или не рождаются вовсе. Мы не собирались их уничтожить — Архон дал понять, что живой пленник стоит на порядок дороже мёртвого тела в любых расчётах, где важна информация, а мне сейчас были нужны прежде всего имена. Рогов ушёл в обход, ниже по склону, туда, где тропа сужалась настолько, что группе пришлось бы растянуться в цепочку. Я остался на прежней позиции — приманкой, достаточно заметной, чтобы привлечь внимание, и достаточно осторожной, чтобы не спровоцировать стрельбу раньше времени.

Я позволил себе быть замеченным ровно на секунду дольше, чем следовало случайному человеку в лесу, — движение плеча, отблеск металла карабина на солнце. Реакция группы была мгновенной: перестроение, короткие жесты вместо слов, двое уходят в стороны фланговым манёвром, двое держат центр. Действовали грамотно. Действовали так, как действовал бы я сам десять лет назад.

Именно эта грамотность их и подвела. Растянувшись флангами, они открыли тот самый узкий участок тропы, куда уже вышел Рогов. Первый разряд ушёл в цель беззвучно — здесь оружие такого рода очередей попросту не признавало, только прицельные, экономные удары, — и передний боец группы осел, не успев понять, откуда пришёл удар в плечо. Нелетальный режим — выбор, сделанный заранее: последнее слово в этом выборе всегда оставалось за нами, и я предпочитал оставлять его именно таким. Второй заметил, как оседает товарищ, и рванулся было в сторону, разворачиваясь на движение, но получил такой же разряд в бедро прежде, чем закончил разворот, оседая в мокрый мох так же тихо, как первый.

Оставшиеся двое бросились в укрытие. Один вслепую развернулся и выстрелил на звук моих шагов, не успев толком прицелиться. Толчок в грудь пришёл глухим ударом через одежду, не пулей, — щит принял его молча, без вспышки, и только полоса его заряда в оверлее коротко просела на треть, прежде чем снова замерла. Укрытие на этом участке склона было понятием условным — редкий березняк, пара валунов, торчащих из земли, будто их специально расставили для засады, только для чужой, не для их собственной. Я уже спускался сверху, отрезая им путь назад, стреляя с той экономностью, какой требовала задача: обездвижить, оставить в живых, дать возможность заговорить позже. К тому моменту, как всё закончилось, прошло меньше трёх минут, и на тропе лежали четверо — оглушённые, обездвиженные, лишённые всякой возможности ни сопротивляться, ни бежать, но дышащие ровно, с тем спокойствием, какое даёт только точно выставленный режим импульса.

— Чисто, — сказал Рогов, поднимаясь из укрытия и проверяя пульс у ближайшего. — Все дышат.

— Тащим вниз.

Портал на базу занял времени меньше, чем потребовалось бы на то, чтобы дотащить их до ближайшей дороги. Марина встретила нас у входа с тем выражением лица, которое появлялось у неё всякий раз, когда приходилось иметь дело с последствиями чужого насилия, — без паники, но и без притворного равнодушия.

— Медблок готов, — сказала она. — Архон уже настроил протокол допроса.

Марина держалась в стороне от процедуры, но не ушла — стояла у стены медблока, скрестив руки, и смотрела на экраны с показателями жизнедеятельности так внимательно, будто её присутствие само по себе было гарантией, что процедура не выйдет за пределы необходимого. Я не спрашивал её, зачем она осталась. Ответ был очевиден и без слов: кто-то в этой комнате должен был следить не только за тем, что мы узнаём, но и за тем, чем мы за это платим.

Допрос занял немногим больше часа. Архон умел работать с сознанием пленных так, что физическое воздействие оказывалось почти не нужным, — достаточно было верно подобранной комбинации препаратов из медблока и того особого давления, которое я, признаться, до сих пор не научился до конца объяснять словами. Один за другим четверо называли то немногое, что знали сами: имена кураторов, названия структур прикрытия, за которыми угадывалась куда более серьёзная сеть, чем простое армейское подразделение. Ни один из них не знал ничего о Кворуме напрямую — они были инструментом, не более, звеньями цепи, тянущейся куда-то дальше и выше, чем позволял видеть их уровень допуска.

Но имена — уже кое-что. Имена значили, что при должном терпении можно будет проследить цепочку до тех, кто действительно понимал, ради чего его посылают в уральский лес искать несуществующую точку на карте. Рогов записывал каждое название и каждую фамилию в собственный блокнот, не доверяя одной только памяти базы, — старая привычка, оставшаяся с тех времён, когда единственной надёжной системой хранения данных была бумага, которую можно сжечь за секунду, если придётся уходить быстро.

— Знакомые структуры? — спросил я, когда он захлопнул блокнот.

— Пара фамилий знакомы. Остальное — новое. — Он потёр переносицу, тем жестом, каким всегда сопровождал не самые приятные выводы. — Если это те, о ком я думаю, нас искали не первую неделю. Твоё падение в шахту кто-то заметил гораздо раньше, чем ты сам успел прийти в себя.

Мысль неприятная, но не лишённая смысла. Слишком быстро и слишком слаженно действовала первая группа для случайного столкновения — кто-то отслеживал этот район заранее, задолго до того, как я сам узнал о его существовании.

— Достаточно, — сказал я, когда последний из четверых закончил говорить, и голос его снова стал вялым, теряющим фокус под действием препарата. — Архон, сотри им память. С момента, когда они узнали о цели операции, — до этой секунды.

— Выполняю, — ответил Архон, и в этой короткой фразе не было ни капли сомнения, будто просьба стереть кому-то часть жизни была для него самой обычной технической операцией, каковой она, вероятно, для него и являлась.

Процедура заняла минуты. Когда всё закончилось, четверо крепких мужчин спали тем ровным, глубоким сном, какой не снится по-настоящему испуганным людям, — потому что страх, испытанный ими, тоже канул вместе со всем остальным, что случилось за последние сутки.

Мы с Роговым вынесли их через портал в посёлок, на дорогу у самого въезда, туда, где старый указатель километража давно уже покосился настолько, что читать на нём цифры не было никакой возможности. Машину — их же собственный внедорожник, оставленный в паре километров от начальной точки маршрута, — Рогов подогнал сам, аккуратно, не привлекая внимания редких в этот час прохожих.

— Классика, — сказал он, оглядывая пологий поворот перед въездом в посёлок с тем деловитым прищуром, с каким смотрел на любую задачу, где точность значила больше, чем грубая сила. — Версия простая: не справились с управлением на скользком повороте, обычное дело в это время года. Разница важная, если кто-то начнёт разбираться слишком дотошно — усталость за рулём проверяют иначе, чем банальный занос.

Мы уложили четверых по местам — двоих в салон, двоих в кресла впереди, — и Рогов, коротко посоветовавшись со мной взглядом, вывел машину на скорости, достаточной, чтобы после короткого управляемого скольжения она уткнулась носом в сугроб на обочине, не причинив никому серьёзных травм, кроме тех, что легко объяснялись самой аварией. Со стороны это будет выглядеть именно так, как должно: компания приятелей, неудачно рассчитавших выезд на охоту, ушедшая с дороги на скользком участке. Ни одна деталь не укажет на то, что случилось на самом деле в трёх километрах отсюда, в лесу, где через месяц никто уже не вспомнит о короткой перестрелке.

Мы возвращались на базу молча, тем особым молчанием, которое не требовало слов, потому что оба думали об одном и том же: это была только резервная группа, вторая по счёту, и последней она точно не станет. Кто-то отправит следующую — быстрее, чем нам хотелось бы, и, вероятно, подготовленную лучше. Рано или поздно среди тех, кого мы возьмём, окажется человек, стоящий выше кураторов среднего звена, знающий подлинное направление и подлинную цель, а не только имена, за которыми угадывается чужая, пока безликая воля.

Кто именно охотится за базой Предтеч — и сколько времени у нас остаётся до того, как они перестанут посылать разведку и придут всерьёз.

— Архон, — сказал я, когда портал закрылся за нашими спинами и знакомый гул систем базы снова окружил меня со всех сторон. — Что у нас с анализом изъятой аппаратуры?

— Обработка продолжается, Носитель. Первые результаты — через два часа.

Два часа. Я посмотрел на Рогова, тот пожал плечами с видом человека, для которого ожидание давно перестало быть проблемой, требующей эмоциональной реакции.

— Будем считать это отдыхом, — сказал он. — Раз уж выдался.

Я не был так уверен, что отдых — подходящее слово для того, что нас ждало впереди, но спорить не стал. Где-то далеко ждала раса, для которой наше пробуждение рано или поздно перестанет быть тайной — если уже не перестало. И этой неопределённости было достаточно, чтобы понимать: сегодняшняя стычка в лесу — только первая строчка гораздо более длинной истории, конца которой я пока не видел.

Я подошёл к смотровому экрану в главном зале — единственному месту на базе, откуда Архон выводил изображение поверхности в реальном времени, — и долго стоял, глядя на тёмный, безразличный к нашим планам лес. Где-то там, за деревьями, продолжала жить обычная человеческая жизнь: посёлок, дорога, покосившийся указатель, четверо спящих людей в занесённой снегом машине, которые завтра проснутся с чужой, заботливо подготовленной для них

историей вместо собственной. А здесь, глубоко подо мной, гудели системы станции, построенной расой, исчезнувшей тысячелетия назад, и ждала следующего хода игра, правил которой я до конца не знал сам.

— Носитель, — сказал Архон, будто уловив направление моих мыслей раньше, чем я успел их оформить в вопрос. — Обработка изъятой аппаратуры завершена на сорок процентов раньше срока. Обнаружены признаки протокола шифрования, не соответствующего ни одному известному земному стандарту.

Я не удивился. Пожалуй, я вообще перестал удивляться где-то между падением в шахту и этим вечером — осталось только спокойное, будничное ощущение человека, разбирающего очередную рабочую задачу, только теперь ставки в ней выросли многократно: на кону стояла уже не только моя собственная жизнь.

— Покажи, что есть, — сказал я и пошёл к исследовательскому блоку, где меня уже ждали Марина и Рогов.

Работа продолжалась.

Глава 2

Меня зовут Сайра Ирвель. Ранг — куратор третьего круга, аналитическая служба Коалиционного Дома. Для тех, кто не знаком с внутренним устройством Кворума Жнецов, это звучит скучнее, чем есть на самом деле: я читаю чужие поражения так, как другие читают победы, — внимательно, без спешки, стараясь понять, что в цепочке решений сломалось раньше, чем сломался результат.

Кворум — не одна раса, что бы ни думали на этот счёт покорённые миры. Под этим именем объединены несколько видов, разных по происхождению и физиологии, но объединённых одним договором и одной целью. Мой народ, хассары, стоит во главе коалиции не по праву силы, хотя силы нам хватает, — по праву древности союза и по праву того, что именно хассары первыми вышли за пределы своей системы и первыми поняли, что технологии решают всё, а всё остальное — материал, из которого технологии добываются. Мы красивы по меркам большинства известных видов, включая тот, о котором пойдёт речь дальше. Реакция у нас вдвое быстрее, чем у большинства гуманоидов сопоставимого роста, сила — на треть выше расчётной для нашей комплекции. Эти качества давно перестали быть предметом гордости — они просто есть, как есть цвет неба над столицей клана, о котором никто не думает, пока не улетит достаточно далеко, чтобы неба не стало вовсе.

Жёсткость к другим видам передаётся с воспитанием — впитывается раньше, чем ребёнок начинает осознанно говорить, задолго до того как складывается характер отдельного хассара. Органические расы без развитых технологий не считаются равными. Их можно изучать, использовать, договариваться с ними о временной пользе — но не более того. Я росла с этим убеждением так же естественно, как с языком и именем клана, и долгое время не видела причин в нём сомневаться.

Причины появились позже, но это разговор для другого раза — сегодня я сидела в аналитическом отсеке станции сопровождения, разбирая донесение, которое пришло с окраинного сектора вместе со скверными новостями.

— Отчёт по объекту «Спящий Якорь» обновлён, — сказала система связи голосом, лишённым какой-либо интонации, что в нашем случае не было признаком совершенства тех-

ники, а было осознанным решением инженеров: эмоции в служебном канале только мешают точности передачи данных.

Я вывела файл на объёмный экран. Данные копились месяцами: пробуждение древней станции на третьей планете жёлтой звезды, сигнал активации портала, зафиксированный спящим зондом системы наблюдения, оставленным там ещё во времена, когда сама я не родилась. Носитель — существо биологического вида, местное название «человек», с генетическим профилем, достаточным для интеграции с системами Предтеч. Аномалия статистического порядка: из всех известных случаев подобной совместимости, зафиксированных за долгую историю охоты Кворума за наследием исчезнувшей цивилизации, эта планета давала едва ли не самый высокий процент.

И теперь — донесение о провале.

Разведывательная структура, которую мы годами выращивали на этой планете под видом земной военно-политической организации, потеряла контакт с передовой группой захвата. Резервная группа, высланная на её поиски, попала в засаду — и через несколько часов её нашли живой, до последней минуты лишённой памяти о задании. Местная полиция зафиксировала обычное дорожное происшествие, вписавшееся в статистику региона без единого лишнего вопроса: у неё попросту не было повода искать глубже. Провал в памяти вскрылся позже, на обязательном после любой потери контакта разборе внутри самой «Дельта-7» — на рутинном опросе вернувшихся, который проводили операторы собственной структуры. Последнее, что помнил каждый из четверых, приходилось на момент получения приказа выдвигаться; дальше — ровная пустота вплоть до того, как их подобрали на дороге. Я запросила повторную проверку данных трижды, прежде чем поверила собственным глазам: четверо подготовленных оперативников, экипированных по стандартам структуры прикрытия, остались невредимы физически, но кто-то последовательно, шаг за шагом, вычистил из их сознания всё, что они успели узнать, и вернул их в исходную точку настолько аккуратно, что расследование даже не открыли. У существа, сделавшего это, не было ни армии, ни флота, ни какой-либо поддержки, кроме той, что успела дать ему станция Предтеч за считанные недели с момента активации.

— Куратор Ирвель, — раздался голос за моей спиной, и я не обернулась сразу, зная по одной интонации, кому он принадлежит.

Дэрхан Кассарит, старший офицер контроля сектора, вошёл в отсек тем шагом, каким входят существа, привыкшие, что пространство перед ними освобождают без напоминаний. Хассар в третьем поколении командного клана, широкоплечий, с той тяжёлой красотой, которую наш вид культивирует в военном сословии веками, — и с той же тяжестью в характере, что делала разговор с ним всегда немного похожим на переговоры с закрытой дверью.

— Я уже читаю, — сказала я, не отрывая взгляда от экрана. — Вторая группа тоже потеряна.

— Я читал раньше вас. — Он остановился рядом, глядя на те же данные с выражением, в котором читалось раздражение куда яснее, чем тревога. — Примитивный вид оказывает организованное сопротивление там, где должен был предоставить лёгкую добычу. Это недопустимо на политическом уровне, куратор. Совет спросит, почему аналитическая служба недооценила противника дважды подряд.

— Совет спросит, — согласилась я, — но вопрос стоит иначе, чем вы его ставите. Мы недооценили не вид в целом. Мы недооценили одного конкретного представителя этого вида — того, кого система идентифицировала как Носителя.

— Разница не имеет значения для результата.

— Разница определяет следующий шаг, — сказала я, наконец повернувшись к нему. — Если проблема в виде — нужна масштабная сила, подавляющая любое сопротивление без разбора целей. Если проблема в одном существе с нетипичными способностями — масштаб

только выдаст наше присутствие раньше времени и лишит нас преимущества внезапности, которым мы пока обладаем.

Дэрхан посмотрел на меня тем взглядом, каким смотрят на подчинённого, чьё мнение выслушивают из вежливости, а не из необходимости.

— Совет уже принял решение по масштабу, куратор. Прочтите директиву целиком, прежде чем предлагать альтернативы.

Я прочла. Формулировка не была окончательной, но не оставляла простора для благодушия: статус объекта — кандидат в Носители, совместимость подтверждена предварительно, автоматическим анализом систем зонда, без прямого наблюдения. Уровень угрозы — повышенный, с эскалацией до критического по итогам независимого подтверждения. Директива предписывала подавить очаг сопротивления на месте и по возможности получить биологическое подтверждение статуса — живым или посмертно; вопрос масштаба следующей волны формально оставался на усмотрение сектора, но сопровождался ясной рекомендацией — при третьей подряд неудаче переходить к кинетическому превосходству без дальнейших согласований. Я читала подобные директивы прежде, применительно к другим мирам, другим видам, и каждый раз внутри что-то сжималось от той лёгкости, с которой формулировка стирала различие между военной целью и случайным свидетелем, оказавшимся не в том месте.

К директиве прилагался второй документ, куда менее срочный по тону и куда более красноречивый по содержанию, — оценка стратегической ценности планеты, составленная профильным отделом задолго до сегодняшнего провала. Устранение Носителя значилось там первым пунктом, отмеченным как первоочередная задача при подтверждении статуса. Второй пункт был сформулирован суше, канцелярским языком, за которым мне не требовался перевод: «интеграция ресурсной базы третьей планеты в производственный контур коалиции» — включение месторождений, пригодных территорий и самого населения в хозяйственный оборот Кворума, на правах актива, а не стороны переговоров. Я видела такие документы применительно к десяткам других миров. Итог для местного населения в них обычно сводился к одному из двух исходов: либо использование в качестве рабочей силы под контролем коалиции, либо устранение как избыточного фактора риска, если использование признавалось нецелесообразным. Какой из двух исходов Совет счёл более вероятным для вида, только что продемонстрировавшего организованное военное сопротивление, документ не уточнял.

— Подавить очаг сопротивления, — повторила я вслух. — Формулировка достаточно широкая, чтобы включать уничтожение случайных наблюдателей, не имеющих отношения к объекту. И, если я правильно читаю приложение, это же самое население впоследствии рассматривается как ресурс интеграции. Два документа противоречат друг другу без объяснения приоритета.

— Не противоречат, — подтвердил Дэрхан без малейшего колебания. — Препятствие устраняется первым. О ресурсной ценности планеты имеет смысл говорить только после того, как угроза, сорвавшая уже две операции подряд, перестанет существовать. Существа низшего технологического уровня не располагают правом на исключение из последствий войны, в которую вступили независимо от собственного желания, — ни в первом пункте, ни во втором.

— Они не вступали в войну. Они защищали территорию, на которую пришли чужаки.

— Куратор Ирвель. — Голос его стал тише, что у Дэрхана всегда служило верным признаком нарастающего раздражения, а вовсе не намерения смягчить сказанное. — Ваша склонность рассматривать примитивные виды как нечто большее, чем ресурс, уже отмечена в личном деле. Дважды. Я бы посоветовал воздержаться от третьей отметки.

Я не ответила сразу. За годы службы я научилась распознавать момент, когда продолжение спора вредит делу больше, чем молчание, — и этот момент наступил именно сейчас. Но внутри, там, где решения принимаются раньше, чем успевают облечься в слова, я уже знала: слепое исполнение директивы в её нынешнем виде обернётся тем же результатом, что и две

предыдущие попытки, — только с большими потерями и меньшим количеством полезных данных на выходе.

— Разрешите альтернативное предложение, — сказала я вместо ответа на его выпад. — Прежде чем третья неудача подряд запустит рекомендацию по кинетическому превосходству, — позвольте мне лично возглавить аналитическую группу непосредственного наблюдения. Собрать данные о Носителе, его окружении, его тактических паттернах. Определить, действительно ли перед нами исключение, требующее исключительного ответа, или же случайность, которую можно устранить точно.

Дэрхан долго молчал, разглядывая меня с тем выражением, которое я видела у него не впервые, — смесь превосходства и лёгкого, почти неохотного любопытства, будто ему было интересно, как далеко я готова зайти в отстаивании позиции, заранее обречённой на формальное поражение.

— Совет не одобрит промедление, — сказал он наконец.

— Совет одобрит меньшие потери и более точные данные. Я не прошу отменить директиву, Дэрхан. Расчётное время скрытного перехода до системы — одиннадцать циклов. Прошу четырнадцать: три сверх пути — на развёртывание наблюдения и подготовку точного удара на месте, вместо немедленного разворачивания сил, которые обойдутся коалиции дороже, чем стоит сама планета.

Аргумент экономии — единственный, к которому Дэрхан прислушивался всегда охотнее, чем к любому другому. Я видела, как расчёт в его голове сдвигается, взвешивая гордость военного сословия против практичности, въевшейся в культуру Кворума глубже гордости.

— Четырнадцать циклов, — сказал он наконец. — Не больше. И вы лично отвечаете за результат перед Советом, куратор. Не я.

— Принимаю.

Он развернулся и вышел так же тяжело, как вошёл, оставив меня наедине с экраном, где данные о Носителе всё ещё висели в воздухе бесстрастным перечнем цифр и предположений. Я закрыла директиву об уничтожении и открыла личное досье — то небольшое, что нам удалось собрать за недели наблюдения через агентурную сеть, прежде чем сеть эта начала рассыпаться одна операция за другой.

Военная биография. Ранение, положившее конец карьере. Одиночество, которое читалось между строк отчётов так ясно, что почти не нуждалось в подтверждении. И тактика — вот что действительно держало моё внимание дольше положенного: ни одного лишнего движения, ни одной ошибки, которую можно было бы списать на удачу противника, а не на собственный просчёт. Он не убивал без необходимости: первую группу, встретившую его на тропе врасплох, он уничтожил полностью — выбора тогда не было; вторую, взятую позже уже с преимуществом на его стороне, оставил в живых целиком, что для существа, только что получившего в распоряжение оружие древней цивилизации, было решением далеко не очевидным. Большинство видов на его месте воспользовались бы новым превосходством для демонстрации силы. Он использовал его для контроля.

Перехваченный фрагмент аудиозаписи прилагался отдельным файлом, помеченным грифом низкой достоверности перевода — универсальный переводчик сети справлялся с человеческой речью не блестяще, слишком много интонационных оттенков терялось между исходным звуком и итоговым текстом. Я запустила запись без перевода, просто чтобы услышать голос: короткие фразы, ровный тон, ни одной лишней паузы там, где большинство существ позволили бы себе хоть тень колебания. Голос принадлежал существу, привыкшему командовать, но не привыкшему повышать голос ради того, чтобы быть услышанным, — качество, которое я слышала прежде разве что у немногих старших офицеров собственного клана, и то не у всех.

— Куратор, — вошла в отсек Вейлар, помощница второго ранга, представительница вида сиирских переводчиков, приданных аналитической службе по договору обмена специа-

листами. Она была одной из немногих на станции, с кем я позволяла себе говорить свободнее, чем позволял устав, — водные гуманоиды сиирэ вообще отличались от хассаров почти во всём, включая отношение к силе как к единственному языку общения. — Вы затребовали архив перехвата. Готов к передаче на ваш терминал.

— Спасибо, Вейлар. — Я кивнула на кресло рядом. — Задержись на минуту, если время позволяет.

Она села, сложив длинные пальцы на коленях тем движением, которое у сиирэ заменяло вздох.

— Дэрхан уже разослал по станции версию о том, что вы отправляетесь наблюдать за уничтожением объекта лично, из принципа. — Она произнесла это без осуждения, просто как факт, который сочла нужным мне передать. — Это не совсем то, что вы планируете, я полагаю.

— Не совсем, — согласилась я. — Директива Совета останется в силе, если я не найду весомых оснований предложить иное. Но я не собираюсь подписываться под уничтожением случайных свидетелей только потому, что так быстрее оформить отчёт.

— Твой народ редко задаёт этот вопрос вслух, — заметила Вейлар, и в её интонации не было ни малейшего упрёка, только констатация давно замеченной закономерности. — У сиирэ иначе. Мы дольше живём, куратор. Когда живёшь достаточно долго, начинаешь замечать, что виды, которые сегодня кажутся ресурсом, завтра нередко оказываются той силой, с которой придётся считаться иначе.

— Ты думаешь, этот вид способен стать такой силой?

— Я думаю, что один его представитель уже дважды переиграл вашу лучшую агентурную структуру на этой планете, располагая технологией, которую осваивает без году неделя. — Вейлар поднялась, аккуратно разглаживая складку форменной ткани на плече. — Остальное — вопрос статистики, а статистику, куратор, ты умеешь читать лучше многих в этом секторе. Именно поэтому Дэрхан тебя терпит, несмотря на две отметки в деле.

Она вышла, оставив меня наедине с архивом перехвата и растущим ощущением, что решение, принятое сегодня, определит куда больше, чем судьбу одной разведывательной операции.

Я поймала себя на мысли, неуместной для куратора третьего круга, обязанного оценивать объект исключительно с точки зрения угрозы и метода устранения: мне хотелось увидеть, как он будет действовать дальше. Не потому что того требовала директива. Потому что сам объект наблюдения оказался интереснее, чем предполагал сухой язык досье.

— Открой канал закрытой связи с разведывательным кораблём сопровождения, — сказала я системе. — Личный код доступа, без регистрации в общем журнале Совета.

— Выполняю, куратор Ирвель.

Пока соединение устанавливалось, я думала о том, что сказал Дэрхан о моём личном деле. Две отметки. Обе — за случаи, когда я предлагала точечное решение вместо массового удара, и обе закончились результатом, который в итоге признали более эффективным, чем изначально предложенный масштабный вариант, — но признание это не отменило самих отметок, потому что в культуре, где сила ценится выше точности, осторожность выглядит слабостью, даже когда доказывает обратное. Я не была уверена, что третья отметка когда-нибудь появится в моём деле, — но была уверена, что готова рискнуть ею ради возможности разобратся в ситуации самостоятельно, а не выполнять директиву, написанную существами, которые ни разу не видели планету вблизи.

Экран засветился сигналом готовности. Я запросила координаты ближайшего разведывательного корабля, способного выйти на скрытную орбиту третьей планеты жёлтой звезды.

— Курс проложен, куратор, — доложила система. — Расчётное время скрытного выхода на орбиту — одиннадцать циклов.

— Принято. Подготовь для меня полный архив перехваченных коммуникаций объекта за последние недели. Всё, что успела собрать сеть до потери контакта.

Одиннадцать циклов пути — почти всё выпрошенное время. Из четырнадцати циклов, которые я выторговала, на саму работу на месте останется всего три: достаточно, чтобы не действовать вслепую, и слишком мало, чтобы позволить себе хоть одну лишнюю ошибку. Я поднялась из кресла аналитического отсека и подошла к смотровому иллюминатору, за которым висела в темноте станция сопровождения — крупный, безликий силуэт технологии, ставшей единственным подлинным божеством моего народа задолго до моего рождения.

Где-то там, в одиннадцати циклах пути, находился мир, который мои соплеменники привыкли считать не более чем источником ресурса — трофеем, оставленным исчезнувшей цивилизацией в качестве последнего испытания для тех, кто сумеет его отобрать, — испытания, а никак не дара, поднесённого добровольно. Я не была уверена, что готова оспорить это убеждение вслух перед Советом. Но впервые за долгую службу мне хотелось увидеть своими глазами существо, ради уничтожения которого коалиция была готова стереть с лица планеты целый регион, — и понять, кто из нас на самом деле точнее оценивает, что заслуживает уничтожения, а что заслуживает права на существование.

Первая отметка в моём деле появилась семь циклов назад, на границе освоенного сектора, где местное население одной из недавно открытых систем отказалось выдать координаты хранилища, не поддающегося силовому вскрытию без риска уничтожить содержимое вместе с попыткой. Тогдашний командующий требовал показательной казни старейшин поселения — метод, испытанный десятками раз и десятками раз приносивший результат быстрее переговоров. Я предложила альтернативу: обмен технологией водоочистки на добровольное сотрудничество. Обмен сработал за три дня без единой жертвы, хранилище вскрыли аккуратно, содержимое сохранили полностью — и всё равно в моё личное дело легла отметка за неподчинение первоначальному приказу, потому что победа, добытая не силой, в системе ценностей моего народа считалась победой второго сорта, почти не считающейся победой вовсе.

Вторая отметка появилась по сходной причине, и я запретила себе вспоминать подробно слишком часто. Решения своего я не стыдилась ни тогда, ни теперь — дело было в другом: каждое такое воспоминание заново поднимало вопрос, на который я так и не нашла удобного ответа для себя самой. Если мои решения раз за разом оказываются точнее решений, принятых по уставу, что именно тогда защищает сам устав — эффективность коалиции или привычку, слишком старую и слишком удобную, чтобы её кто-либо решился подвергнуть сомнению вслух, перед Советом, где голос против традиции значит для карьеры больше, чем голос против врага.

— Куратор, — снова заговорила система, — Дэрхан Кассарит запрашивает подтверждение вашего маршрута для внесения в общий журнал.

Я посмотрела на запрос ещё секунду, прежде чем ответить.

— Подтверди. Пусть знает, куда я направляюсь. Скрывать мне нечего — только своё мнение, а мнение в этот раз я оставляю при себе до тех пор, пока не будет доказательств, способных его подтвердить.

Корабль вздрогнул, отрываясь от станции сопровождения, и жёлтая точка на навигационном экране, обозначавшая далёкую систему назначения, начала медленно приближаться с каждым пройденным циклом пути.

Я зашла в свою каюту и снова открыла досье Носителя, на этот раз задержавшись на единственной сохранившейся визуальной записи — зернистой, снятой издалека камерой скрытого наблюдения, прежде чем та потеряла сигнал вместе со всей резервной группой. Человек на записи не позировал перед объективом, которого не подозревал, — просто шёл через лес тем шагом, каким ходят существа, полностью уверенные в собственной территории, даже когда территория эта была им знакома всего несколько недель. Одиннадцать циклов пути дадут

достаточно времени, чтобы понять, обманчива эта уверенность или заслужена по праву. Я намеревалась выяснить это лично, прежде чем позволить Совету стереть ответ вместе с планетой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.